

Шахта, шахта, малая отчизна...

Помню всегдашний упрёк поэтам Кузбасса, мол, живём в индустриальном крае, а вы пишете о природе, о любви, берёзках и цветочках. Где стихи о героической профессии, о шахтёрах? И действительно, отчасти вопрос и упрёк были справедливы. Но всё это происходило, по-моему, потому что настоящие поэты, а они всегда были в нашем крае, не могут писать о том, что не знают, или, зная, – неправду. Это проезжему или недоехавшему поэту из Москвы можно было бросить что-нибудь «нетленное» типа: «Через четыре года / Здесь будет городсад!» Или совсем надуманное, как про детей в песочнице (о шахтёрах): «Порой копаться в собственной душе / Мы забываем, роясь в антраците». И пошли-поехали строчки письменно и песенно колесить по стране.

«Нравственность есть правда», – сказал наш современник, сибиряк, имея ввиду и то, что писатель, поэт должен отвечать за написанное.

В нашем шахтёрском крае появились и окрепли словом поэты-шахтёры: Дмитрий Клёстов, Николай Бацевич, Александр Курицын. Причастность к делу, превратившаяся в родство, даёт им право говорить открыто, с выстраданным знанием – с гордостью и горечью о шахтёрском труде.

Знаю, Дмитрий Клёстов шёл к этой книге стихотворений (а их у него несколько) далеко не прямым и торным путём. Полнота жизни захлёстывала отзывчивый его талант. И нужно было время, чтобы наметился основной

вектор в его поэзии – шахтёрский. Но не подумайте, что я восхищаюсь узким специалистом, посвятившим себя целиком написанию стихов на заданную тему, а узкая специализация сейчас приветствуется – можно больше заработать. Просто, о чём бы ни писал поэт Д. Клёстов, работая в шахте или выйдя на пенсию, рубя баньку или часовенку в тайге, он остаётся

шахтёром, современником, закваска такая.

Мы в старую шахту пробилась забоем.

Бабахнули взрывом над вечным покоем.

Оказывается, «здесь золото рыли мятежные предки». Вот тесный штрек, вот тяжеленная тачка. Но концовка стихотворения высвечивает, как во мраке, горькую нашу историю:

Балда деревянная, цепи, колодки,

А всё остальное, как в нашей проходке.

А это уже наши дни, и опять они почему-то не слаще:

Горловина смердящего кратера,

Иступленно разинутый зев.

А над ним – нелюбовь Богоматери

И Всевышнего истовый гнев.

Или:

Камыш и осока и бледный тальник,

Фабричные грязные стоки...

А я не волнуюсь, я как-то привык

К иронии жизни жестокой.

Другие ипостаси лирического героя, но тоже связанные с землёй, земные, насущные:

Я копаю колодец насущный

С недокучливой песней щегла.

И в другом стихотворении как продолжение, как подтверждение кредо:

Баньки русские рублю.

Для благого омовения

Нашей русской голытьбы.

И горжусь до умиления

Даром плотницкой судьбы.

И кто ему запретит сказать правду, выстраданную, как подземный стаж, не только для пенсии.

Ущелье. Фабрика. И пруд.

Рудой гружённые составы.

И в шахту, словно в пасть удава,

Шахтёры медленно идут.

Но и:

Шахта, шахта, малая отчизна,

Вечный зов в чистилище твоё.

Все теперь наперебой цитируют: «Когда б вы знали, из какого сора, растут стихи, не ведая стыда...» Но давайте не забывать, что стихи также растут из ощущения нужности труда – для продолжения рода, искренности молитвы. Труда, который отодвигается «сором» всё дальше и дальше.

А «сор» становится всё воинственнее и воинственнее. И слава Богу, что поэту Дмитрию Клёстову из старинного сибирского города Гурьевска хватает мужества сказать своё слово.

Восходя на седьмое небо,
Крылья чуяли за спиной.
Всё! Я в небе ни разу не был,
Навсегда улетев в забой.

Сергей Донбай